А.Г. Аллахвердян
РЕФОРМА РАН, АРГУМЕНТЫ ВЛАСТИ
И НЕДОСТОВЕРНАЯ СТАТИСТИКА
НАУЧНЫХ КАДРОВ¹

DOI: 10.31249/scis/2019.00.03

Аннотация. Процесс реформирования Российской академии наук (РАН), начатый в 2013 г., административная передача сети академических организаций в наспех сформированное Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), завершившаяся официальной ликвидацией госорганами самой ФАНО в 2018 г. – это, в определенном смысле, уникальный феномен в новейшей истории науки. Для науковедения представляет большой интерес, как власть обосновывала необходимость реформирования РАН, какие аргументы она выдвигала в пользу этого решения, поистине исторического для развития науки. Феномен административного разделения Президиума РАН и сотен академических организаций стал предметом острых дискуссий в российском и зарубежных научных сообществах.

Abstracts. The reforming process of the Russian Academy of Sciences (RAS), begun in 2013, the administrative transfer of a network of academic organizations to the hastily formed Federal Agency for Scientific Organizations (FANO), which ended with the official liquidation of the government agencies of FANO itself in 2018, is in a certain sense, unique phenomenon in the modern history of science. For science, it is of great interest how the government justified the need for reforming the RAS, what arguments it put forward in favor of this truly historical solution for the development of science. The phenomenon of

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-03-00885).

the administrative division of the Presidium of the Russian Academy of Sciences and hundreds of academic organizations has been the subject of heated debate in Russian and foreign scientific communities.

Ключевые слова: власть; реформа РАН; науковедение; научные кадры; статистика науки.

Keywords: power; reform of the Russian Academy of Sciences; science research; scientific personnel; science statistics.

Активная полемика между российской властью в лице Министерства образования и науки и руководством РАН до летних месяцев 2013 г. носила периодически возникающий и затухающий характер, но правительственная законодательная инициатива оказалась весьма неожиданной, подобно «скрытно-войсковой» спецоперации. 28 июня 2013 г. на рассмотрение Госдумы был внесен законопроект за подписью председателя правительства Д.А. Медведева, назначившего своего заместителя по социальной политике О.Ю. Голодец официальным представителем правительства при рассмотрении законопроекта в Госдуме. Инициатива правительства оказалась неожиданной не только для руководства РАН и широкой научной общественности, но даже для депутатов Государственной думы. Отсюда тот неподдельный шок, а затем и последовавшая небывало интенсивная острота дискуссий во всех «мыслящих» слоях общества.

Трехмесячные дебаты, завершившиеся осенью 2013 г. принятием Федеральным собранием РФ закона о государственных академиях, стали, можно уже сказать, достоянием современной истории отечественной науки. Однако думается, это не «последняя страница» в сложной, почти 300-летней истории взаимоотношений власти и академического сообщества. И в дальнейшем не исключены новые коллизии в их взаимоотношениях, поэтому важно проанализировать и извлечь уроки из недавних действий власти по тактике дезинформации и введению в заблуждение депутатского корпуса Госдумы путем использования правительственной стороной недостоверных статистических данных и аргументов в защиту законопроекта о РАН.

При рассмотрении законопроекта в Госдуме его изложение взяла на себя О.Ю. Голодец. Выбранная ею логика защиты законопроекта состояла из двух частей: обосновывающей и содержательной. Главные тезисы обосновывающей части состояли в попытке доказательства и убеждении депутатов Госдумы в неэф-

фективности использования имущественных и кадровых ресурсов РАН. Оставляя в стороне вопросы имущественного характера, находящиеся в компетенции специалистов в области экономики и финансов, мы сосредоточимся на профессионально близких нам статистических и социологических вопросах использования кадровых ресурсов РАН. При обосновании своих тезисов О.Ю. Голодец опиралась, как она сказала, на данные официальной статистики. Хотя она прямо не указала конкретный источник этой статистики, мы, комментируя ее выступление, будем использовать исключительно материалы официального общероссийского статистического сборника «Индикаторы науки», выходящего под тройственным грифом Минобрнауки, Федеральной службы государственной статистики и Высшей школы экономики. Более достоверные статистические данные по российской науке отсутствуют.

Итак, первый тезис О.Ю. Голодец (дословно): *«На сегодняшний день среди 95 тысяч занятых в Российской академии наук научных работников, тех, кто занимается наукой, всего 45 тысяч»*. Непосвященный читатель мог понять это так: в штате РАН 95 тыс. научных работников (по статистической терминологии – «исследователей»), а работали всего лишь 45 тысяч, остальные же, судя по тональности выступления, видимо, просто числились. В реальности же, согласно упомянутому статистическому сборнику, «тех, кто занимается наукой» было не 45 тысяч, а 54 тысячи (точнее – 53702) исследователей [2, с. 172]. Возникает вопрос: откуда же все-таки взялась цифра в 95 тысяч научных работников? Такая цифра действительно существует, но она включает не только 54 тысячи исследователей, но и так называемый научно-вспомогательный персонал (НВП) числом в 41 тысячу (точнее – 41243) человек. Уточним, в НВП входят три категории работников: 1) **техники** – работники, участвующие в исследованиях и выполняющие технические функции (эксплуатацию и обслуживание научных приборов, вычислительной техники, подготовку материалов, чертежей, проведение экспериментов, анализов и т.п.), 2) **вспомогательный персонал** – работники, выполняющие вспомогательные функции и связанные с проведением исследований (сотрудники патентных, научно-информационных, библиотечных, планово-экономических подразделений; рабочие, осуществляющие монтаж, наладку, обслуживание и ремонт научного оборудования и т.п.), 3) **прочий персонал** включает работников по хозяйственному обслуживанию, работников бухгалтерии, кадровой службы, канцелярии, машинисток и т.п. [2, с. 396].

Таким образом, на каждого исследователя приходилось менее одного научно-вспомогательного работника. Без НВП работа исследователей весьма затруднена, а иногда и вовсе невозможна. Если успех в работе гуманитариев (историки, лингвисты, искусствоведы и др.) и математиков зависит от НВП в меньшей степени, то ученые-естественники (физики, биологи, химики и др.) без активного участия и содействия НВП проводить эксперименты в научных организациях не могут. Таким образом, упрек О.Ю. Голодец в неэффективном использовании кадровых ресурсов РАН не имеет достаточных оснований.

Тезис второй О.Ю. Голодец: *«...сегодня наша молодежь отрезана от системы Академии наук: среди сотрудников, занимающихся научными исследованиями, больше половины исследователей находится в пенсионном возрасте и старше»*. Во-первых, не половина, а одна треть исследователей РАН в тот период находилась в возрасте старше 60 лет (34%), хотя, надо признать, и это очень много, во-вторых, это тенденция развития не только академической, но также, хотя и в меньшей степени, отраслевой (24%) и вузовской (23%) науки [2, с. 176, 203, 231]. Иначе говоря, феномен старения корпуса научных кадров – это **общая весьма тревожная тенденция всей российской науки**. Она становится особенно очевидной, если сравнить ее с советской наукой 1980-х годов. Так, в 1987 г. доля научных работников пенсионного возраста составляла всего 5% от общей численности ученых СССР [7]. Что касается ученых РАН, то, на наш взгляд, доля исследователей пенсионного возраста в РАН могла бы существенно снизиться, если бы высококвалифицированные специалисты (кандидаты и доктора наук), желающие уйти на заслуженный отдых, могли бы получать достойную пенсию. Что касается исследователей РАН в возрасте до 29 лет, то в последние годы их доля росла и к 2012 г. достигла 14,2% от общей численности академических ученых. Для сравнения в 1998 г. эта доля составляла всего 8,9% [3, с. 193]. Если же данный кадровый показатель российской науки сравнивать с советской наукой (включающей и ее академический сектор), то он оказался (14,2%) даже большим, чем в 1987 г. (12%). Другое дело, что данная возрастная категория советской академической науки гораздо реже уходила из науки в другие сферы социально-экономической деятельности и чаще «переходила» в следующую возрастную категорию научных работников (30–39 лет). Поэтому если в академической науке СССР (1987) доля научных работников в

возрасте (30–39 лет) составляла 33%, то в Российской академии наук (начало 2012 г.) – только 17% [2, с. 46].

Тезис третий О.Ю. Голодец: *«Сегодня по данным нашей официальной статистики ежегодно около двух тысяч молодых ученых покидают Российскую Федерацию для того, чтобы вести исследования в зарубежных институтах»*. Как видно из текста, речь идет не только о молодых ученых РАН, а о научной молодежи всех трех основных секторов российской науки: государственного (куда входит и РАН), вузовского и отраслевого (по новой статистической терминологии – предпринимательского). Ученые на время проведения исследований, преимущественно экспериментальных, порою временно покидают РФ для работы в зарубежных лабораториях. Здесь, прежде всего, речь идет об исследованиях в области физических, биологических и химических наук, когда ученые крайне нуждаются в новейшей высокоточной и дорогостоящей научной аппаратуре для проведения экспериментов. «Многие молодые ученые, – отмечал нобелевский лауреат академик Ж. Алферов, – уезжают сегодня за рубеж не только из-за маленьких зарплат, но и, прежде всего, потому, что не могут заниматься экспериментальной наукой на оборудовании 20–30-летней давности» [1]. В том, что ученые не только молодого, но и более старшего возраста порою вынуждены проводить некоторые экспериментальные исследования за рубежом, виноваты не академики, а устаревшая научная аппаратура в РАН, на которую государство выделяет мизерную сумму, не сопоставимую с подобными затратами в ведущих странах мира. ***Дефицит высококлассной научной аппаратуры – это ахиллесова пята не только российской науки. Трудности с такого рода аппаратурой часто испытывала и советская наука.*** Власть и ранее, как правило, недооценивала значимость высококлассной научной аппаратуры для эффективности научных исследований.

Так, недавно в рамках «Пилотного проекта», проведенного в РАН в период 2006–2008 гг., незыблемым условием повышения правительством зарплаты научным сотрудникам академических НИИ, как это ни парадоксально, было «замораживание» роста расходов на научную аппаратуру в период трехлетней реализации этого проекта. О проблемах инфраструктуры научных исследований, будучи президентом, говорил и Д.А. Медведев: «Здесь у нас пока большой провал... как только речь идет об исследованиях – сразу возникают проблемы, потому что наша лабораторная научная база, к сожалению, довольно серьезно устарела. Мы ее за по-

следние годы не развивали, а если развивали, то только в крупнейших научных центрах, таких как Московский университет, Санкт-Петербургский университет» [6].

Тезис четвертый О.Ю. Голодец: *«Андрей Константинович Гейм, нобелевский лауреат... воспитанник физтеха. И сегодня горько и обидно, что этот человек категорически не хочет работать в системе Академии в наших исследовательских институтах. Действительно, Академия наук должна создать условия для развития науки, для реализации потенциала тех людей, которые хотят проявить себя на научном поприще»*. Сначала о причинах отъезда за рубеж Гейма, который покинул страну еще в советские годы (1990). Ученый сам рассказывал в 2008 г., еще до получения Нобелевской премии (2010), почему он уехал из СССР: «На физтехе первые пять лет дают базовое образование, а потом направляют в академические институты, включают в обычную институтскую деятельность. Образование мы получили очень хорошее, просто блестящее, а вот экспериментальная база науки представляла собой печальное зрелище... Я работал в одном из лучших академических институтов – Институте твердого тела РАН. В 1990 г. получил стипендию Английского королевского общества и с тех пор в Россию возвращаюсь только на каникулы. Возможности для работы там и тут – небо и земля. А работа – очень большая часть жизни» [7]. Однако организовать высококласную и дорогостоящую «экспериментальную базу науки» и тем самым обеспечивать «возможности для работы» – это прерогатива российской власти. Пока она не преодолеет огромную дистанцию между «небом и землей», т.е. не создаст благоприятные условия для работы, как минимум стабильную и постоянно совершенствующуюся экспериментальную инфраструктуру исследований, наши ученые будут, как и прежде, уезжать и в редких случаях возвращаться. «Рецепт» весьма запоздалого, хотя и возможного возвращения на родину лауреата Нобелевской премии А. Гейма, лаконично сформулировал его коллега и сообладатель Нобелевской премии К. Новоселов, который еще за несколько лет до присуждения премии говорил, что для успешной «работы ему и А. Гейму необходимо 3–4 квалифицированных техника, 3 кандидата наук, 3 студента, в сумме это около \$350 000 в год плюс оборудование за \$5 млн, на поддержку которого надо ежегодно тратить около \$150 000. В переводе на рубли приглашение А. Гейма и К. Новоселова в Россию стоило бы государству разовых затрат в размере 150 млн рублей и 15 млн рублей ежегодно» [5]. Для сопостав-

ления, бюджет госкорпорации «Роснано» исчисляется десятками миллиардов рублей. Пока правительственные чиновники не осознают свою ответственность и историческую роль в подлинном (не имитационном) развитии отечественной науки, в ней мало что изменится. В своих управленческих решениях и практических действиях, в особенности касающихся крупных социальных проектов, госчиновники должны опираться на знания и опыт не «карманных», а действительно независимых экспертов, включая академических ученых. Не так давно академик Е.П. Велихов на заседании Общественной палаты сказал, что правительство «не должно относиться к науке, как пьяница к фонарному столбу, используя его как поддержку, а не как источник света. А то ведь чиновники у нас сами все знают, а от экспертов ждут только солидного обоснования правильности своих действий» [4].

Проведенный нами науковедческий анализ выступления О.Ю. Голодец, направленного по замыслу на доказательство неэффективности кадрового корпуса РАН, свидетельствует о некорректности использованных ею статистических данных и их интерпретации в пользу принятого Госдумой законопроекта о РАН.

Мы пытались понять и проанализировать аргументы власти о необходимости реформирования РАН. Отметим, что по истечении пяти лет комплекс практических задач, разработанный ФАНО, по повышению результативности деятельности сети академических организаций оказался весьма далек от решения изначально объявленных властью целей и задач реформирования. Полученные ФАНО результаты носили весьма неоднозначный и противоречивый характер и подверглись активной критике широкой научной общественностью. В 2018 г., неожиданно для всех, власть упразднила само ФАНО и объявила о формировании Министерства науки и образования. Почему она пошла на такой новый радикальный шаг, в чем была необходимость подобной управленческой новации – это предмет отдельного и перспективного науковедческого исследования.

Список литературы

1. Жорес Алферов вручил премию петербургскому физику. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=15dc13ba-d75b-4f85-9521-cb3003adb6f1>
2. Индикаторы науки: 2013. Статистический сборник. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 400 с.

3. Наука в Российской Федерации: Статистический сборник. – М.: ГУ – ВШЭ, 2005. – 492 с.
4. Пленарное заседание Общественной палаты России на тему «Образование, наука, интеллектуальный потенциал нации» // Поиск. – 2007. – 26 сентября.
5. Подорванюк Н. Премия на 20 процентов российская // Газета.ru. – 2010. – 6 окт. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/education/2010/10/06_a_3426437.html
6. Медведев: страна должна стараться, чтобы таланты не уезжали из России. – Режим доступа: <https://gia.ru/20101005/282560790.html>
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Фонд 1562. Опись 70. Дело 4721. Лист 9.